

**ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
О СЫЩИКЕ
ДРОНГО**

ЧИНГИЗ
АБДУЛЛАЕВ

ДЕНЬ ГНЕВА

МОСКВА

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Разработка серии *Ф.Барбышева, А.Саукова*

Иллюстрация на обложке *В.Петелина*

Абдуллаев, Чингиз Акифович.
А13 **День Гнева / Чингиз Абдуллаев.** — Москва : Издательство «Э», 2017. — 400 с. — (Абдуллаев. Лучшие романы о сыщике Дронго).

ISBN 978-5-699-93139-2

Россия в глубоком и затяжном кризисе. Пришло время, когда в мутной воде экономического и финансового хаоса не видно границ между законом и беззаконием. Пришло время крупных хищников... Они начинают охоту на министра финансов, который должен представить проект бюджета в Думу. От того, утвердят этот проект или нет, зависит будущее России, судьбы миллионов людей. Времени у наемных убийц немного, но план покушения разработан и продуман до деталей, оружие пристреляно и заряжено, нужные люди расставлены по своим местам. Ничто не спасет чиновника от смерти. Но кто знал, что на пути убийц встанет Дронго...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93139-2

© Абдуллаев Ч. А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Гнев есть оружие бессилия.

С. Сегюр

Начало

— Слепнев, на выход, — крикнул дежурный, гремя ключами.

Приделанная к двери цепь позволяла открыть ее ровно настолько, чтобы из камеры можно было выходить только по одному. Зек кивнул сокамерникам и не торопясь вышел в коридор.

— Руки за спину, — приказал дежурный, — вперед.

Слепнев выполнил приказ и двинулся к выходу.

— Послушай, полковник, — раздался за спиной у него горячий шепот, — как только выйдем, я тебя передам постовому контролеру. Вместе с ним дойдешь до стены. Там будет веревка. Понял?

— Понял, — не оборачиваясь, ответил Слепнев. Он так давно ждал этого дня!

— Иди, иди, — заторопил дежурный, заметив, что в конце коридора появился кто-то посторонний.

Когда подошли к выходу, дежурный открыл одну дверь, затем вторую, они спустились с лестницы и очутились в другом, более коротком коридоре, где за решеткой их вот уже пятнадцать минут, нетерпеливо поглядывая на часы, дожидался постовой контролер. Он видел Слепнева впервые, но понимал, что именно этот человек резко изменил его жизнь. Контролер ни о чем не жалел. За такие баб-

ки стоило не только распрощаться с работой и поменять место жительства, но и при необходимости с оружием в руках проложить путь к побегу этого заключенного. Он только не понимал, какую такую ценность представляет собой этот отставной полковник. Главное, это было контролеру на руку, и он кивнул дежурному, зная, что тот тоже получил довольно-таки солидный куш.

— Это он? — на всякий случай негромко спросил контролер, с интересом глянув на седовласого, чуть выше среднего роста заключенного. Сопровождавший узника дежурный кивнул, открывая дверь и пропуская заключенного. Потом, не оглядываясь, зашагал обратно. Его задача была доставить узника до этого коридора. Поэтому ему заплатили не так щедро, как контролеру, сопровождавшему заключенного дальше. Но даже полученные двадцать тысяч долларов были для него целым состоянием, таких денег он не смог бы заработать и за десять лет честной службы в тюрьме.

Он знал, что через несколько часов будет объявлена тревога. Начнутся допросы, подозрения, обвинения. Но деньги он уже надежно спрятал, а побег этого опасного заключенного можно списать на постового контролера, исчезнувшего вместе с узником. И сейчас надзиратель думал больше о приваливших ему деньгах, чем об узнике, все еще удивляясь, почему за него отвалили такие бабки. В отличие от контролера он хорошо знал заключенного, но здраво рассудил, что большие деньги просто так никто не платит.

В этой тюрьме сидели особо опасные преступники и криминальные авторитеты. Это была своего рода тюрьма в тюрьме. Девятый корпус, или сизо номер четыре, охранялся с особой строгостью. Тюре-

ма, известная в народе как «Матросская Тишина», состояла из двух корпусов. В сизо номер один отправляли всякую уголовную шушеру, в сизо номер четыре — не только самых известных криминальных авторитетов страны, но и бывших сотрудников милиции и прокуратуры, которых невозможно было сажать в общие камеры обычных изоляторов. Побег отсюда практически исключался. Достаточно сказать, что раньше этот корпус находился в ведении КГБ СССР. Но за последние десять лет уже случился один побег, тоже с помощью подкупленных охранников: сбежал известный киллер. Итак, тревога была объявлена только через два часа, когда заключенный и офицер были уже далеко за пределами города. Несмотря на все усилия сотрудников ФСБ и милиции, поиски успехом не увенчались — заключенный и офицер исчезли бесследно.

***День первый. Москва. Утро.
6 часов 21 минута***

Он услышал звонок и взглянул на часы. Черт возьми! Только начало седьмого. Что за идиот звонит в такую рань? Он покосился на аппарат. Тот продолжал трезвонить. Какая наглость звонить ни свет ни заря. Обычно все неприятности случаются по понедельникам, а сегодня вторник. Неужели опять что-то неожиданное? Но что могло произойти этой ночью? Другое дело в пятницу. Но до пятницы еще два дня. Жаль, что жена уехала на дачу к внукам. А то могла бы снять трубку. Она спала как раз с левой стороны, у самого аппарата.

Телефон не умолкал. Ну кому охота разговаривать в такое время? Но тот, кто звонит, этого не понимает. Так что придется ответить. И, подвинувшись ближе к аппарату, он снял трубку.

— Слушаю, — голос у него был недовольный и сонный.

— Артем, ты? — Сон как рукой сняло. Жена! Он понял: что-тостряслось.

— Что-нибудь случилось? — закричал он, вне себя от волнения.

— У нас несчастье, — сообщила жена, не думая о том, что может буквально убить подобным сообщением своего сорокасемилетнего супруга, страдающего сосудистыми заболеваниями. Впрочем, особой деликатностью она никогда не отличалась. У него кольнуло сердце.

— Какое несчастье? О чем ты говоришь? Что случилось? Что-нибудь с Катей? — Он засыпал жену вопросами, не давая ей вставить и слово.

— С Димой, — сказала она наконец, — он поел у соседей грибы. Очевидно, домашнего приготовления. Я ему сто раз говорила, чтобы не ел ничего в гостях...

— Что с ним? — остановил он словесный поток жены.

— Ребенок отравился. Его рвет, кружится голова, боли в животе. Необходимо срочно промыть желудок.

— А где Леонид? — Он имел в виду зятя. Тот был неплохим художником, но они с женой считали его непутевым. Не о такой партии мечтали супруги для своей единственной дочери, выскочившей в двенадцать лет замуж. Теперь у нее уже было двое детей: пятилетний мальчик и трехлетняя девочка. Против внуков молодые дедушка и бабушка не очень-то возражали. Это даже примирило их с вечно разболтанным Леонидом.

— Его, как всегда, нет, — произнесла жена убитым голосом, — заночевал в мастерской. Я сразу

подумала, что нужно взять у соседей машину и отвезти Диму в больницу. А то, пока вызовем машину, пока она приедет в наш поселок, пройдет несколько часов.

— Вы сейчас на даче?

— Конечно, нет. Я разбудила Евгения Константиновича, и он любезно согласился подвезти нас до больницы. На даче остались Катя с малышкой. Будь добр, пошли за ними машину, надо их забрать в город. Представляешь, в каком сейчас состоянии Катя?

— Откуда ты говоришь? — Он все еще не мог ничего понять.

— Мы едем в больницу, — недовольно сообщила она, — я говорю по мобильному. Ты, видно, еще не проснулся, слышал, что я сказала про Диму?

— Конечно, слышал, — пробормотал он, вскакивая с постели, — я сейчас позвоню Кате и пошлю за ней машину. А сам приеду к тебе. В какой вы больнице будете?

— В местной. Пожалуйста, приезжай, пусть видят, что Дима — твой внук. Иначе сам понимаешь, что может быть.

— Конечно, приеду, — кивнул он, словно жена была здесь, — сейчас же позвоню Кате и вышлю за ней машину, — повторил он.

— А мы будем ждать тебя в больнице. Не забудь захватить мобильный телефон, чтобы я могла тебя найти.

— Хорошо. — Он бросил трубку. Когда живешь с женщиной больше четверти века, начинаешь ненавидеть ее, но еще больше — себя. За то, что терпишь ее вечно недовольное лицо.

Ведь ни разу в жизни он не видел ее довольной. Ни когда они поженились, будучи студентами эконо-

номического факультета. Ни когда поехали в Харьков, куда он получил распределение. Ни когда вернулись в Москву и жили вдвоем в маленькой комнатке без удобств. Из научного института он перешел на работу в банк. Потом они поехали в Австрию, где он представлял интересы Внешторгбанка. В начале девяностых вернулся и поступил на службу в крупный коммерческий банк. Лишь тогда она немного успокоилась. К тому времени появилась роскошная квартира в центре Москвы, большая дача в престижном дачном поселке, свои машины, водитель, помощник, няня, кухарка. Но лицо жены по-прежнему оставалось недовольным, и она всегда находила повод, чтобы испортить ему настроение. Впрочем, за долгие годы совместной жизни он привык к ней. Привык к ее вздорному, взбалмошному характеру. И иногда с удивлением замечал, что относится к ней намного лучше, чем в молодые годы, когда семейные ссоры, казалось, неминуемо должны были закончиться разводом.

Артем Сергеевич Полетаев был назначен министром финансов страны полгода назад, как раз когда вице-премьером стал его друг и бывший одноклассник Сережа Шумской, с которым они вместе учились на экономическом факультете. Нужно отдать должное Шумскому. Всего за полгода он успел проявить себя как человек твердых принципов, неуклонно проводивший в жизнь экономические решения правительства, невзирая на критику со всех сторон.

Полетаеву было сорок семь лет. Высокий, с красивой густой шевелюрой и правильными чертами лица, он очень нравился женщинам. Особенно привлекали его глаза, серые, с загадочным выражением. Многие считали, что с такой внешностью

Полетаеву нужно было идти в киноартисты, а не в экономисты. Жену раздражали подобные разговоры, поскольку сама она уже растеряла былую красоту, располнела, погрубела, ноги портило варикозное расширение вен. Словом, она была стареющая женщина, под пятьдесят, в климактерическом возрасте, а он — полный сил и хорошо сохранившийся мужчина, тоже под пятьдесят, до сих пор нравившийся женщинам, в том числе и собственным секрешаршам.

Артем набрал номер дачного телефона. Трубку сразу взяла Катя. Видимо, еще не ложилась.

— Алло!

— Катя, это папа. Как дела? Все в порядке?

— Ты знаешь про Диму?

— Знаю. Сейчас поеду в больницу, а за тобой и малышкой пришло моего водителя. Так что собирайся.

— Хорошо. Может, по дороге заехать в больницу?

— Без тебя обойдемся. Будь готова, машина придет минут через тридцать-сорок. И позвони Леониду, — с нотками недовольства в голосе сказал отец, — пусть хотя бы встретит вас.

Поговорив с дочерью, Артем Сергеевич позвонил водителю. С ним они работали еще в коммерческом банке. Уходя в министерство, Артем оставил его в качестве личного водителя для семьи. По службе ему полагался шофер, который заезжал за ним по утрам вместе с охранником и отвозил в министерство. Личный водитель, татарин, работал вместе с Полетаевым уже шесть лет. Артем довольно долго ждал, пока тот поднял трубку, — очевидно, спал.

— Доброе утро, Ханифа, — Артем посмотрел на часы, — извини, что беспокою тебя так рано.

— Ничего, Артем Сергеевич, я всегда встаю в половине восьмого. Что-нибудь случилось?

— Случилось. С Димой плохо. Отравился грибами. Его повезли в больницу. А Катя одна на даче, с дочуркой. Поезжай за ними и привези их в город. Только не торопись. Я возьму свою машину.

— Понял, Артем Сергеевич. А может, вызвать вашего водителя с охранником?

— Они еще спят. Ничего страшного. Надеюсь, меня не похитят, а я успею вернуться до половины девятого, когда они приедут за мной.

— Хорошо, Артем Сергеевич. Буду у Кати через полчаса.

Полетаев тряхнул головой. В пятницу у него такой важный доклад, а он должен сейчас заниматься внуком. Впрочем, жена права, в больницу ехать нужно обязательно. Мало ли что там может случиться. Дима — вылитый дедушка, а на отца, к счастью, совсем непохож. Сыновей у Полетаева не было, он испытывал к Диме отцовские чувства и очень гордился им. Все надежды были на внука.

Артем побрился и начал одеваться. По привычке достал свежую белую рубашку. И на мгновение заколебался, решая, как именно ему одеться. Дачный костюм явно не подходит, он может не успеть вернуться домой, чтобы переодеться. Да и жена не одобрит, если он приедет в больницу в куртке и джинсах. Он подумал, что день начинается трудно.

Но, завязывая галстук и глядя в окно, Полетаев даже представить себе не мог, каким сложным окажется нынешний день: через два часа возле его дома будет двое убитых... Начнется самая страшная история в его жизни.

**День первый. Москва.
06 часов 23 минуты.**

В двадцати пяти километрах от аэропорта Домодедово

Очевидно, оба не любили лишних слов, так как сидели в автомобиле, почти не разговаривая, ожидая, когда наконец появятся нужные им люди. Машина стояла на проселочной дороге, недалеко от леса. Со стороны шоссе ее не было видно, и в предрассветной тишине «Рено» казался лишь деталью пейзажа. В половине седьмого утра, когда солнце уже поднялось над горизонтом, послышался наконец шум подъезжавшей машины и появилась «Волга» белого цвета, в которой, кроме водителя, находились еще два пассажира.

— Они, — сказал сидевший рядом с водителем «Рено» мужчина, кивая в сторону «Волги». Второй, не произнеся ни слова, вышел из автомобиля, ожидая, когда «Волга» приблизится. Она остановилась в двадцати метрах от него, и ее водитель, увидев стоявшего на дороге человека, быстро вышел и поспешил к нему. Незнакомцу на вид было лет сорок пять. Коротко подстриженные седые волосы, резкие черты лица, брезгливое выражение, тонкие губы, пронизательные темные, глубоко посаженные глаза, словно сделанные из стекла и существующие как бы сами по себе. Короткая темная куртка, темные брюки, темная рубашка. Если бы приехавшие могли обойти его сзади, то наверняка заметили бы у него пистолет, закрепленный в кобуре под курткой с правой стороны. Пистолет имел непропорционально длинное дуло, и только профессионал мог догадаться, что на него надет глушитель.

Водитель «Волги», подходя к нему, оглянулся на своих пассажиров, оставшихся в машине.

— Приехали, — сообщил он, тяжело дыша, — они немного задержались.

— Где ты их взял?

— У станции метро, как вы говорили.

— Надеюсь, у тебя хватило ума подождать, пока они подойдут к твоей машине?

— Конечно, — выдохнул водитель и торопливо добавил: — Все в порядке, — словно опасался, что ему не поверят. Водителю было лет тридцать пять. На небольшом покато́м чере́пе у него росли редкие волосы. Несмотря на довольно прохладную погоду, он все время потел, словно ему было жарко или же он боялся стоявшего перед ним человека. Второе предположение было, пожалуй, ближе к истине, так как он испуганно следил за выражением лица седовласого. Но тот как-то неопределенно кивнул, сделав знак остальным пассажирам подойти.

Двое подошли молча, лишь кивнув в знак приветствия. Все было обговорено заранее. На обоих были темные костюмы и голубые рубашки. Лица одинаково упрямые, какие бывают у жестоких и недалеких людей. Они подошли и застыли в трех метрах от седовласого незнакомца, которого, очевидно, знали в лицо. Еще они знали, что тот не любит лишних слов.

— У нас все готово, — доложил один, — весь груз в машине. Вчера еще раз все проверили. Он выезжает на работу обычно в половине девятого. В восемь часов мы будем на месте.

— Хорошо, — кивнул седовласый, — но всего один выстрел. И наверняка. Подъедете на своей машине. Потом бросите ее в переулке, как договаривались, а Марек заберет вас на другом конце улицы. У вас будет четыре минуты. Ровно четыре.

— Мы помним, — сказал один из них. У обоих были характерные азиатские лица, широкоскулые, с мешками под узкими глазами.

— Где машина?

— Уже стоит в гараже.

— Сейчас половина седьмого, — посмотрел на часы седовласый, — успеете до восьми?

— Конечно, успеем. До гаража полчаса. Еще полчаса до его дома. У нас в запасе тридцать минут.

— До свидания, — кивнул седовласый, и все трое вернулись к «Волге».

Он смотрел, как они садятся в автомобиль, как автомобиль разворачивается и отъезжает. Подождав еще минуту, пока «Волга» исчезла в утреннем тумане, седовласый пошел к своей машине. Сквозь темные стекла «Рено» никто из приехавших на «Волге» так и не смог увидеть находившегося там пассажира.

— Все в порядке, — бросил седовласый, усаживаясь за руль.

— Вы им доверяете? — спросил пассажир, все время, пока шел разговор, наблюдавший за приехавшими.

— Я никому не доверяю, — хмуро ответил седовласый, — но это лучший материал, который удалось отобрать.

Его собеседнику на вид было не больше пятидесяти: лысоватый, с крупным мясистым носом, полными щеками, маленькими круглыми глазами-буравчиками, спрятанными за большими стеклами очков.

— Разве можно таким типам поручать столь важное дело? — недовольно спросил он. — Конечно, полковник, это ваше личное дело, но лица у них, как у настоящих головорезов.

— Они бывшие уголовники, — небрежно бросил полковник, — их лица меня не особенно интересовали. Я отобрал самых лучших.

— Надеюсь, — кивнул пассажир, — извините,